

БОРИС КАГАНОВИЧ

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ И Н. Я. МАРР: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Ключевые слова – С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, В. Р. Розен, Российская Академия наук, Петербургский университет, Эрмитаж, востоковедение, Кавказ

Сын генерала, предки которого в начале XVIII века переселились из Германии в Россию, Сергей Федорович Ольденбург и приехавший с Кавказа сын «великобританского подданного» Николай Яковлевич Марр были не только крупнейшими русскими востоковедами своего времени, но и виднейшими фигурами научной и общественной жизни России первой трети XX века¹. Они были почти сверстники: С. Ф. Ольденбург родился в 1863 г., Н. Я. Марр в 1864 г., умерли оба в 1934 г. Оба окончили факультет восточных языков Петербургского университета, оба были потом профессорами этого университета и академиками – сначала Императорской Академии наук, а затем Академии наук СССР. Ольденбург был по специальности индологом, Марр – кавказоведом, но деятельность обоих выходила далеко за пределы их прямой специальности – в случае Ольденбурга это была прежде всего огромная научно-организационная работа, в случае Марра – общее языкознание. Они были связаны тысячами нитей, но при этом были очень разными людьми и очень разными учеными.

Думается, что для историка науки было бы интересно проследить историю их взаимоотношений и присмотреться внимательнее к тому, что сближало и что разделяло этих двух больших ученых.

С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр, несомненно, были знакомы с первых студенческих лет, но особой близости между ними в то время, по-видимому, не было. Ольденбург учился на санскритско-персидском разряде восточного факультета, Марр – на армяно-грузинском, посещая занятия и на других отделениях. И Ольденбург и Марр всегда подчеркивали большую роль, которую сыграл в их научной жизни академик В. Р. Розен, и считали себя его учениками. Как известно, Розен занимал в Петербургском университете и в Академии наук кафедру арабистики. Активный, живой, умный и сердечный человек с широким кругом интересов, он был организатором на европейских принципах всего

¹ См.: Каганович Б. С., Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Изд. 2-е, испр. СПб., 2013. Наиболее ценной биографической работой о Н. Я. Марре остается вышедшая тремя изданиями книга В. А. Миханковой (1892-1952), которая много лет была личным секретарем Марра, а затем заведовала его кабинетом в Институте истории материальной культуры АН СССР. Далее мы цитируем, в основном, последнее, расширенное издание: Миханкова В. А., Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1949.

русского востоковедения и играл большую роль на факультете¹. Непосредственными учителями Ольденбурга по его специальности были санскритолог И. П. Минаев и отчасти иранист К. Г. Залеман, но в конце своей жизни Сергей Федорович писал: «Первым моим настоящим руководителем оказался не индианист, а арабист, учитель целого поколения русских востоковедов В. Р. Розен»².

Не меньшую, а, может быть, и большую роль сыграл Розен в судьбе Марра, у которого сложились очень напряженные отношения с занимавшим кафедру грузинской филологии профессором А. А. Цагарели. Своим оставлением при университете и защитой магистерской диссертации он был обязан, главным образом, Розену. До конца своих дней Марр, будучи уже создателем «нового учения о языке» и членом ВКП (б), с большой теплотой вспоминал Розена и созданную им «блестящую востоковедную школу, составлявшую гордость императорской России»³. Следует также отметить, что огромное влияние и на Ольденбурга, и на Марра оказали научные концепции и методы А. Н. Веселовского.

С течением времени отношения между Ольденбургом и Марром стали вполне дружественными, хотя близкими личными друзьями они не были никогда. Спустя много лет, в связи с юбилеем Ольденбурга, Марр писал: «Профессорская работа С. Ф. Ольденбурга началась до или, правильнее будет сказать, без официального признания его профессором, когда он еще в звании “оставленного при университете” или “приват-доцента”, тогда одинаково из беспризорного класса молодых научных работников, собирал молодежь, искавшую свежих знаний, и, руководя техникой перевода санскритских текстов, делился своей широкой осведомленностью по востоковедной и вообще литературоведной работе на Западе. Приношу юбиляру от всех тогдашних аспирантов, в том числе вашего покорного слуги, пользовавшихся вашими кабинетными лекциями, где так щедро расточались знания общего характера и по сравнительному методу, увязывавшему нас не с физиологической фонетикой и не европеизированием норм восточного мышления, лишь стадияльно отличного от западной философии, а с установкой сравнительного метода таким нашим в прошлом колоссом литературоведения, как акад. А. Н. Веселовский»⁴.

Н. Я. Марр, как известно, очень рано стал проявлять интерес к лингвистике и высказывать неортодоксальные лингвистические идеи. Так, мысль о родстве грузинского языка с семитическими была впервые высказана им в 1886 г. Розен

¹ Свою книгу по истории русской арабистики И. Ю. Крачковский посвятил 100-летию со дня рождения В. Р. Розена, «любимого учителя Марра, Бартольда, Ольденбурга, Коковцова». См.: **Крачковский И. Ю.**, Очерки по истории русской арабистики, М.-Л., 1950, с. 3. См. также: Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887-1907), Неизвестные страницы отечественного востоковедения, М., Восточная лит.-ра, 2004, вып. 2, с. 201-399. Переписка Розена с Марром, подготовленная к печати в 1940-е гг. В. А. Миханковой, издана пока лишь частично: Переписка Н. Я. Марра и барона В. Р. Розена (Из архивного наследия В. А. Миханковой), Христианский Восток, СПб., 2009, т. 5 (11), с. 454-502.

² **Ольденбург С. Ф.**, Мысли о научном творчестве. Год 16-й. Альманах 2, М., ГИХЛ, 1933, с. 423.

³ **Марр Н. Я.**, Доистория, преистория, история и мышление, Л., 1933, с. 21-22, 29.

⁴ **Марр Н. Я.**, Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия, Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882-1932. Сб. ст., Л., 1934, с. 10-11.

его таких интересов и такого направления ума не поддерживал. Незадолго до смерти, в одном из последних своих выступлений, Марр говорил: «Опять приходится вспомнить учителя моего В. Р. Розена, сказать кстати, относившегося с изумлением к моему упорному равнодушию к истории, увлечению лингвистикой»¹. Вероятно, дело было не столько в антипатии Розена к лингвистике как таковой, сколько в том, что построения Марра противоречили основным постулатам классического языкознания. Позднее академик К. Г. Залеман говорил Марру: «Я не согласен с Вами. У Вас все звуки переходят во все звуки»².

С. Ф. Ольденбург, который как санскритолог был хорошо знаком с основами сравнительно-исторического языкознания, разделял позицию своих – и Марра – учителей. 7 февраля 1894 г. он писал из Парижа Розену: «На днях я познакомился еще с несколькими ориенталистами, из которых двое – Chavannes

С. Ф. Ольденбург

и Meillet (ориенталист и главным образом лингвист, но с очень широким филологическим образованием) мне очень понравились. Последний говорил о Марре, и я был доволен (хотя и огорчен за Марра), что он безусловно отрицает его лингвистические вещи – он выразился очень сильно: *des fantaisies stupéfiantes et n'y a pas de linguistique dedans*³; зато он отозвался очень сочувственно об его филологических занятиях. Хорошо, если бы Вы сообщили об этом Марру, может быть, он присяжного и очень умного лингвиста послушает больше, чем нас, филологов»⁴.

Это, однако, не мешало В. Р. Розену, С. Ф. Ольденбургу и другим крупнейшим петербургским востоковедам убежденно поддерживать работы Марра по средневековой грузинской и армянской литературе. 23 мая 1899 г. Ольденбург и Залеман выступили официальными оппонентами на защите в Петербургском университете магистерской диссертации Н. Я. Марра «Сборники притч Вартана. Материалы для истории средневековой армянской литературы», (СПб., 1894-1899, т. 1-3), которая в основе своей выросла в кругу идей и методов А. Н. Веселовского. Выступление Ольденбурга не было опубликовано, но спустя много лет Марр приводил запомнившееся ему замечание, которое он считал очень важным для себя: «Памятная мысль востоковеда С. Ф. Ольденбурга была сформулирована в виде

¹ Марр Н. Я., Доистория, преистория, история и мышление, с. 24. Ср.: Марр Н. Я., Барон В. Р. Розен и православный Восток, Памяти барона В. Р. Розена, СПб., 1909, с. 27.

² Миханкова В. А., указ. соч., с. 159.

³ Поразительные фантазии, в которых нет лингвистики (франц.).

⁴ Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее: ПФА РАН), ф. 208, оп. 3, д. 496 а, л. 124. Письмо это частично цит. в кн.: Миханкова В. А., указ. соч., с. 31.

вопроса: “Почему изучаемая вами средневековая литература трактуется как восточная, когда она по многим устанавливаемым у вас данным и западная, не менее западная, чем восточная”»¹.

Переписка С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра показывает, что Ольденбург и позднее (с 1904 г. в качестве непеременимого секретаря Академии наук) поддерживал научную деятельность Марра, в частности, его раскопки древнего армянского города Ани².

Именно С. Ф. Ольденбургом была составлена записка о научных трудах Н. Я. Марра при избрании последнего в академики, в которой высоко оценивались достижения Марра в области армяно-грузинской филологии и археологии. Кроме Ольденбурга, записку подписали еще восемь академиков (В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. К. Коковцов, М. А. Дьяконов, В. В. Латышев, В. П. Никитин, А. С. Лаппо-Данилевский, И. И. Янжул), и в начале 1909 г. Марр был избран в Академию наук на кафедру, освободившуюся после смерти В. Р. Розена³.

Приведем письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. Я. Марру от 26 июня 1912 г., которое выявляет его подход к исследованиям в области сравнительной мифологии и литературоведения (большая часть их переписки носит деловой характер).

«Дорогой Николай Яковлевич,

Не писал Вам, пока окончательно не прояснилось. Пережили мы очень тяжелое время. Наши штаты чуть не погибли в Гос. Совете; потребовалась очень интенсивная деятельность, чтобы остановить надвигающуюся грозу⁴.

Прочел Dahlmann'a новую книжку о путешествии св. Фомы в Индию⁵, ужасно жалко, что нет времени: так хотелось бы написать методологическую рецензию. Dahlmann иезуит и очень ученый и в логике искушенный, но как только источник начинает иссякать, а тезис (об историческом характере легенды) ему оставлять не хочется, начинается обход препятствий, вместо их устранения. При этом относящееся к одним столетиям переносится свободно на другие. Все-таки книга умная, полезная и вполне научная»⁶.

¹ **Марр Н. Я.**, Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия, с. 12-13. Нам кажется совершенно невозможным предположение автора современной книги о Марре о том, что «коллеги востоковеды просто не читали работ Марра, по крайней мере, внимательно, но хвалили их как труды главы школы русских кавказоведов, видного члена своей корпорации». См.: **Алпатов В. М.**, История одного мифа: Марр и марризм, М., 1991, с. 14.

² См., например, письмо Ольденбурга к Марру от 12 августа 1905 г.: ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 706, л. 11-12.

³ **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 170. Ср.: Записка об ученых трудах проф. Н. Я. Марра, Известия Имп. АН, VI серия, 1909, № 11, с. 721-732.

⁴ Речь идет об утверждении новых штатных должностей в Академии наук.

⁵ Имеется в виду книга: **Dahlmann J.**, Die Thomas-Legende und die altesten historischen Beziehungen des Christentums zum fernen Osten im Lichte der indischen Altertumskunde. Freiburg im Breisgau, Herder, 1912.

⁶ ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 706, л. 17-18.

Следует сказать и о политических позициях С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра в дореволюционное время. Принадлежность Ольденбурга к либерально-демократическому лагерю русской общественности общеизвестна – он был членом кадетской партии и близко стоял к ее руководящим кругам¹. О Марре В. М. Алпатов пишет, что он «до революции был человеком правых взглядов, тесно связанным с клерикальными кругами»². Думается, что здесь допущено сильное преувеличение. При «старом режиме» Марр, в отличие от Ольденбурга, не был политически особенно активен, но при этом он неоднократно высказывался, иногда в очень резких выражениях, против политики царизма на Кавказе и против черносотенных нападков на «инородцев». Наиболее острые его выступления в печати по этим вопросам относятся к 1905-1906 гг.³ Позднее Марр, как представляется, избегал прямого участия в политической жизни; в 1909 г. ему поручили быть переводчиком на приеме Николаем II армянского католика Матеоса Измирляна, что едва ли было возможно, если бы он имел репутацию человека нелояльного к власти⁴. Но и никаких специфически «правых» проявлений в дореволюционной деятельности Марра мы не находим. Так, в 1914 г., когда крупнейший лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, уже пожилой человек, был приговорен к тюремному заключению за брошюру, критикующую политику самодержавия, Н. Я. Марр вместе с академиками В. В. Радловым, А. А. Шахматовым, Ф. Ф. Фортунатовым, профессорами Л. В. Щербой, М. И. Ростовцевым, С. К. Буличем и другими подписал письмо в его защиту⁵.

Н. Я. Марр

Связи Н. Я. Марра с «клерикальными кругами» заключались главным образом в том, что средневековая грузинская и армянская литература, которой занимался Марр, носила по преимуществу религиозный характер, и в числе ее исследователей было много духовных лиц, с которыми он поддерживал хорошие отношения. Марр, однако, полемизировал с писаниями крайне правого священ-

¹ См.: Каганович Б. С., указ. соч.

² Алпатов В. М., Марр, марризм и сталинизм, *Философские исследования*, 1993, № 4. Цит. по тексту, помещенному в интернете: <http://russcience.chat.ru/papers/alp93sp.htm> обращение от 20.03.2014.

³ См., например, брошюру: Марр Н. Я., Из гурийских наблюдений и впечатлений. (По поводу бакинских событий), СПб., 1905.

⁴ В бумагах Н. Я. Марра сохранилась сделанная им черновая и фрагментарная запись этого приема. (ПФА РАН, ф. 800, оп. 1, д. 944). Дополняет ее сообщение В. А. Миханковой, содержащееся только в 1-м издании ее книги: «Н. Я. рассказывал, что на просьбу католика облегчить участь осужденных дашнаков Николай II обещал, что прежде чем католикос вернется в Эчмиадзин, просьба его будет исполнена. Обещание не было, конечно, выполнено». См.: Миханкова В. А., Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.-Л., 1935, с. 117.

⁵ См.: Spustek I., Jan Baudoin de Courtenay a carska cenzura, *Przegląd Historyczny*, 1961, № 1, s. 19.

нослужителя И. Восторгова о Грузии¹. Выступал он и за автокефалию грузинской церкви, против попыток превратить ее в одну из епархий Русской православной церкви. Позднее сам Марр формулировал свое кредо как «за национальность и против национализма»². Вероятно, в такой постановке вопроса содержалась немалая доля утопизма, но, во всяком случае, это был благородный утопизм. Кавказ во всем многообразии его народов и языков Марр рассматривал как единый культурно-исторический комплекс, который история тесно связала с Россией³. Работы Марра часто вызывали недовольство и русских, и грузинских, и армянских националистических кругов⁴, поскольку он стремился не к обоснованию каких-либо национальных приоритетов, а к установлению истины⁵.

Через несколько месяцев после падения монархии, 3 июля 1917 г., Ольденбург отправил Марру письмо на бланке «Министр народного просвещения», начинавшееся словами:

«Дорогой Николай Яковлевич,

Из заголовка бумаги поймете причину краткости письма: последняя перемена в составе правительства поставила меня членом Временного правительства и министром народного просвещения. Как это трудно. Вы, конечно, почувствуете»⁶. Далее он сообщал, что «в первый же день потребовал, чтобы сделали что возможно для Института». Именно за кратковременный период, когда С. Ф. Ольденбург был министром, осуществилась заветная мечта Н. Я. Марра – был создан Кавказский историко-археологический институт, дело об организации которого до этого тянулось много лет.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. и С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр встретили, как и подавляющая часть русской интеллигенции, отрицательно. Поворот к сотрудничеству, связанный с осознанием того, что новая власть установилась «всерьез и надолго» и что нельзя допустить, чтобы Академия и наука в России погибли, по-видимому, несколько раньше совершил Ольденбург. Во всяком случае, Елена Григорьевна Ольденбург писала после смерти Сергея Федоровича о «его трагедии в Академии наук в эти трудные годы, когда все были против него (пожалуй, даже Марр), и он один тащил Академию на

¹ **Марр Н. Я.**, История Грузии. Культурно-исторический набросок. (По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе), СПб., 1906.

² Цит. по кн.: **Миханкова В. А.**, Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1949. с. 133.

³ См., в частности: **Марр Н. Я.**, Кавказский культурный мир и Армения, ЖМНП, 1915, № 6, с. 280-330; *его же*: Кавказском университете в Тифлисе, Известия РАН, VI серия, 1918, т. XII, № 14, с. 1496-1516.

⁴ См., в частности, его полемику с Акакием Церетели: **Марр Н. Я.**, Грузинский поэт Акакий об армянах, Новое обозрение (Тифлис), 1898, 5 и 6 февраля; *его же*: Вместо ответа публицисту-поэту, там же, 1898, 31 марта, 2 апреля. Обе статьи переизданы в сборнике: Армяно-грузинские литературные связи, Ереван, 2013, кн. 2, с. 4-44. (Указанием на этот сборник мы обязаны В. А. Погосяну).

⁵ Мы не касаемся здесь очень сложных отношений Марра с грузинскими и армянскими учеными, многие из которых были его учениками – порой они достигали поистине кавказского накала. По-настоящему эта тема еще не изучена. Следует, однако, заметить, что, начиная с 1960-х гг., Академии наук Грузии и Армении неизменно отмечали марровские юбилейные даты заседаниями его памяти и научными конференциями.

⁶ ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 376, л. 31.

соединение с СССР, и всеми вытекающими отсюда последствиями, – один это сделал, спас Академию». Но к началу 20-х гг. на сходные позиции встал и Марр, надеявшийся, вероятно, что в новом мире осуществляются чаяния Мицкевича и Пушкина о временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»¹.

В последующее десятилетие Ольденбург и Марр часто выступали как союзники и единомышленники во многих вопросах научно-общественного характера. Приведем лишь некоторые факты.

С. Ф. Ольденбург был в числе первых действительных членов основанной Н. Я. Марром в 1919 г. Государственной Академии истории материальной культуры; наряду с Н. Я. Марром и В. В. Бартольдом он состоял также членом совета Государственного Эрмитажа, Российского Института истории искусств, входил в руководящие органы Географического общества, Центрального бюро краеведения и ряда других научно-культурных учреждений. Ольденбург и Марр, как и почти вся блестящая плеяда русских востоковедов, приняли участие в работе горьковского издательства «Всемирная литература».

Деятельность эта, требовавшая постоянных контактов с властью и различных уступок и компромиссов, далеко не всегда находила понимание у современников. Академик Ф. И. Щербатской 17 мая 1921 г. писал С. Ф. Ольденбургу из Берлина: «Н. Я. расскажет Вам о многом, с чем приходится здесь считаться при нынешних обстоятельствах, прежде всего о злостной агитации М. И. Р[остовце]ва, который считает нас, и в особенности Вас, агентами III Интернационала, потерявшими честь прислужниками деспотизма и т.д. и т.д.»². В переписке ученых того времени можно найти немало подобных отзывов, хотя бы и менее резких по форме.

С середины 1920-х Ольденбург и Марр пытались воспрепятствовать продаже за границу художественных ценностей из музейных собраний. Особого внимания заслуживает их героическая борьба за сохранение коллекций Эрмитажа, которая, к сожалению, не имела успеха, поскольку продажи осуществлялись по решению Политбюро ЦК ВКП (б).³

Немало было и других совместных выступлений по разным вопросам. «Жалкое положение высшей школы, жалкое положение науки», – писал Ольденбург жене 12 февраля 1927 г. из Москвы, где принимал участие в съезде научных работников, на котором прозвучало «исключительное по силе и резкости выступление Марра после доклада Луначарского»⁴.

Интересная оценка личности Марра Ольденбургом содержится в дневниковой записи Е. Г. Ольденбург от 11 мая 1925 г. В ней сообщается, что к Сергею Федоровичу приходил за советом академик А. Е. Ферсман, которому предложили стать ректором Ленинградского университета: «С[ергей], любя А. Е., не сове-

¹ Обычные для советского времени слова В. А. Миханковой: «С первых же дней Октябрьской революции и до последнего дня своей жизни Н. Я. неизменно стоял в первых рядах советских ученых», не отражают реального положения дел. См.: **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 262-263.

² Цит. по кн.: **Вигасин А. А.**, Изучение Индии в России: Очерки и материалы, М., 2008, с. 341-342.

³ Подробнее см.: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 160-165.

⁴ Цит. по: **Ольденбург Е. Г.**, Хронологическая канва, тетрадь 6, ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 49.

товал ему брать этот пост, потому что он окончательно себя погубит, а университет уже не спасет. С[ергей] говорил мне, что самое лучшее, если за это дело возьмется Марр, он, во-первых, хочет этого, во-вторых, Марр так себя поставил, что все смотрят на него как на чудака и оригинала, а потому, что бы он ни выкинул с университетом – все ему простится и никто его ругать не будет»¹.

Личные отношения Ольденбурга и Марра в 1920-е гг. были вполне хорошие и достаточно доверительные. Думается, что известную роль в этом сыграло и то, что сын Марра, талантливый иранист и поэт Ю. Н. Марр (1893-1935), считал себя учеником Ольденбурга и очень любил его².

Следует несколько подробнее сказать об отношении С. Ф. Ольденбурга к лингвистическим теориям Марра, которые именно после революции получили столь бурное и, так сказать, скандальное развитие. Повторим – как санскритолог Ольденбург был слишком хорошо знаком с основами классического индоевропейского языкознания, чтобы легко принять «яфетидологическую революцию». Весьма красноречиво в этом отношении его цитированное выше письмо 1894 г. к В. Р. Розену. Трудно согласиться с В. М. Алпатовым, который называет Ольденбурга в числе «распространителей и популяризаторов мифа» о Марре³.

К марровской лингвистике Ольденбург относился очень сдержанно. Когда в 1912 г. Марр передал в «Известия Академии Наук» для публикации текст своего доклада «Яфетический Кавказ и памятники его духовной культуры», Ольденбург просил его убрать из заглавия слово «яфетический»⁴. В изданиях Академии, однако, печатались (и до революции и особенно после) многие работы Марра, в том числе и «яфетические».

Не солидаризируясь с теориями Марра, Ольденбург, считал, однако, невозможным как-то ограничивать его научные поиски и не выступал публично с критикой его работ. Яростный борец с марризмом, выдающийся лингвист и очень противоречивый человек Е. Д. Поливанов в своем известном выступлении против Марра 1929 г. привел следующий эпизод: «Один из академиков внес предложение в Академию Наук прекратить порчу бумаги, т.е. издание марровских статей в “Известиях” и “Докладах” Академии... Важен ответ, который был дан непременно секретарем Академии: “Как мы можем это сделать? Это ведь убьет Николая Яковлевича”. Ответ, как хотите, чисто кадетский»⁵. Упомянутый академик был Ф. И. Щербатской. Следует заметить, что кадетство Ольденбурга (в каком бы смысле не употреблять это слово – в данном случае, очевидно, имелся в виду «гнилой либерализм») здесь не при чем – не в правилах и обычаях Академии наук было, чтобы непременно секретарь цензурировал работы действительных членов, в самом таком предложении (думаю, что оно и не вносилось формально) содержался элемент провокации.

¹ Там же, д. 61, л. 232-233.

² См.: **Марр Ю. Н., Чайкин К. И.**, Письма о персидской поэзии, Тбилиси, 1976, с. 154.

³ **Алпатов В. М.**, История одного мифа, с. 54. Ср. возражения Алпатову: **Долиннина А. А.**, Невольник долга, СПб., 1994, с. 410-411; **Васильков Я. В.**, Трагедия академика Марра, Христианский Восток, СПб.; М., 2001, т. 2, с. 405.

⁴ См.: **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 200.

⁵ **Поливанов Е. Д.**, Труды по восточному и общему языкознанию, М., 1991, с. 633.

Московский лингвист и филолог Р. О. Шор писала Ольденбургу во второй половине 1920-х гг. (письмо не датировано): «Во время московской последней нашей беседы Вы высказали некоторый интерес к составленным мною тезисам. Поэтому беру на себя смелость переслать Вам их – мне было бы очень важно услышать Ваше мнение о них и о том, можно ли с подобными положениями выступить публично, и не слишком ли это обидит Ник. Як. Мне страшно тяжело было бы причинить ему обиду. А с другой стороны... Пока я осмеливаюсь просить Вас никому этих тезисов не показывать – если я все же решусь выступить против Н. Я., он должен будет узнать об этом первый»¹. Образованный и умный филолог, Шор так и не решилась выступить с критикой Марра. Друг молодости Ольденбурга Д. И. Шаховской, который после его смерти по просьбе его вдовы обратился к Шор с вопросом об имеющихся у нее письмах Сергея Федоровича, сообщил Елене Григорьевне 30 декабря 1937 г.: «Там есть кое-что такое о Марре, что заставляет ее молчать»².

Драматические события конца 1920-х-начала 1930-х гг. еще более отчетливо выявили особенности позиций Ольденбурга и Марра. Мы не останавливаемся здесь подробно на этих событиях, связанных с реорганизацией Академии наук в советское учреждение, поскольку они уже достаточно освещены историками³. Отметим лишь несколько наиболее выразительных в интересующем нас плане моментов.

Незадолго до академических выборов начала 1929 г., когда Академии грубо навязывались желательные для властей лица, на квартире Марра состоялось совещание академиков-гуманитариев. 21 октября 1928 г. Е. Г. Ольденбург записала со слов мужа: «Он [С. Ф. Ольденбург – Б.К.] еще минут десять оставался у Н. Я. Марра, пришла его жена Александра Алексеевна и они втроем обсуждали ужасное положение, в которое 2-е отделение⁴ ставит Академию. Жена Марра говорила, что академикам хорошо так говорить и поступать, потому что все они живут за спиной Марра, а главным образом за спиной Сергея, который расписывается за всех них»⁵.

Марр разделял позицию Ольденбурга, который в это время пришел к выводу, что для спасения Академии необходимо пойти на компромисс. Однако, несмотря на все компромиссы и уступки, Сталин не хотел оставлять Ольденбурга в руководстве Академии наук, и по решению Политбюро ЦК ВКП (б) 30 октября 1929 г. он был смещен с должности неперменного секретаря в связи с вымышленным делом о незаконном хранении в академических учреждениях важных политических документов.

Началась фабрикация «Академического дела», нарастала волна арестов. Марр был в числе немногих друзей и коллег, которые навещали Ольденбурга в ближайшие месяцы после его падения, когда все ожидали его ареста. Вероятно Марр, которого это дело не коснулось и который вскоре вступил в партию, ходатайствовал за Ольденбурга в «высших сферах».

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, д. 670, л. 9-11.

² Там же, оп. 5, д. 18, л. 73.

³ Позволим себе сослаться здесь на нашу книгу: **Каганович Б. С.**, указ. соч., глава 7, с. 151-199.

⁴ Отделение русского языка и словесности.

⁵ Цит. по: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 157.

17 января 1930 г. Е. Г. Ольденбург записала: «Вечером у С. Ф. Н. Я. Марр. Говорит, что к Сергею отношение в Москве благоприятное, что его хотят выделить из процесса»¹. Сообщение Н. Я. Марра возможно несколько разрядило обстановку в доме Ольденбурга, где все это время жгли бумаги, хотя – не говоря уже об общей атмосфере – никакой уверенности ни в чем быть не могло. Сам Марр находился в весьма мрачном настроении. 8 февраля 1930 г. Е. Г. Ольденбург отметила: «Сергей видел Марра. Он очень плохо выглядит и вообще плохо справляется со всем»².

Однако арестован Ольденбург не был. В его кратком некрологе, написанном Н. Я. Марром, читаем: «Нужна была сталинская зоркость, чтобы признать необходимость сохранить С. Ф. для наступившей уже тяги к науке и культуре»³. Сын знаменитого географа и сам видный географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский писал в своих воспоминаниях, что «фамилии Ольденбурга, Ферсмана и его самого значились в списках лиц, подлежащих аресту по “делу Академии наук”, но были вычеркнуты оттуда жирным красным карандашом»⁴.

На общем собрании АН СССР 3 марта 1930 г. Н. Я. Марр был избран одним из трех вице-президентов реорганизованной Академии, С. Ф. Ольденбург вскоре был назначен директором академического Института востоковедения, созданного на базе Азиатского музея.

Марр в это время пользовался гораздо большим доверием со стороны советского руководства, чем Ольденбург, но и его положение было отнюдь не легким. Между ними по-прежнему сохранялись довольно близкие отношения, хотя далеко не все в деятельности и поведении Марра вызывало одобрение его старшего коллеги.

Приведем еще раз записи Е. Г. Ольденбург. 4 апреля 1930 г.: «Утром С. Ф. долго был у Н. Я. Марра, уговаривал его взять отказ от вице-президентства назад. Н. Я. не соглашается, говоря, что как вице-президент он чувствует себя пешкой в руках Зеленко, его не подпускают ни к какой работе. Он очень возбужден. Настроение Н. Я. тяжелое, он говорит о развале Академии Наук. У С. Ф. такое же тяжелое настроение»⁵. 17 мая 1930 г.: «Марр сейчас производит очень тяжелое впечатление, бешеное самолюбие, не считается ни с кем, все должны делать по его указке». 18 мая 1930 г.: «Трудную линию и позицию занял Марр... Борьба с ним тяжела, т.к. чуть что он сейчас вводит политический момент». 10 августа 1930 г.: «Ник. Як. Марр вошел в партию, его жена говорит, что его «уговорили» войти, неловко было отказать. Зачем так говорить? Он сделал логический заключительный шаг. В случае смерти Карпинского теперь он президент Академии». 11 декабря 1930 г.: «Марр ничего не значит в Академии

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 62, л. 389.

² Там же, л. 411.

³ **Марр Н. Я.**, Памяти С. Ф. Ольденбурга, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 3, с. 14.

⁴ **Анциферов Н. П.**, Из воспоминаний, Звезда, 1989, № 4, с. 163 (комментарии А. И. Добкина и А. Б. Рогинского).

⁵ Записи Е. Г. Ольденбург цит. по кн.: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 200-202.

Наук. Волгин пробовал отстоять свою самостоятельность, но не смог, он в партийном отношении слабее Зеленко»¹.

Марр, несомненно, был в числе тех руководителей «обновленной» Академии, которые, несмотря на все публичные декларации, не желали полного разгрома «старой» науки, и ему (как и Ольденбургу) классическое востоковедение в СССР обязано очень многим.

Выступая летом 1930 г. с приветствием от работников науки на XVI съезде ВКП (б), Марр заявил: «Октябрьская революция раскрепостила всех трудящихся, в числе их и ученых, томившихся в плену беспросветного идеализма»². Невольно припоминаются его же слова в письме, направленном 8 марта 1924 г. в Лейпциг бывшему декану историко-филологического факультета Петербургского университета Ф. А. Брауну: «Какой ты, однако, неисправимый идеалист, видно мало ты прожил в Советской России»³.

Марр принял живое участие в чествовании Ольденбурга, когда в начале 1933 г. отмечался его двойной юбилей – 70-летие со дня рождения и 50-летие научной и общественной деятельности. Очень интересно свидетельство, записанное Е. Г. Ольденбург 16 октября 1933 г., на следующий день после удара, случившегося с Н. Я. Марром: «С. Ф. узнал о болезни Н. Я. Марра. Он стал рассказывать пришедшему из Гос. Эрмитажа А. Ю. Якубовскому о том, как два года тому назад он был на одном из докладов Н. Я. Марра и вместе с ним сидел профессор по нервным болезням д-р Осипов, который сказал тогда С. Ф., что он, д-р Осипов, с интересом слушал Н. Я. Марра, т.к. он безошибочно предсказывает ему года через два мозговое заболевание, паралич и т.п., что речь Н. Я. Марра – это речь больного психически человека, не логична, мысль отрывочная, путаная»⁴.

Н. Я. Марр пережил С. Ф. Ольденбурга на несколько месяцев. По словам человека, близкого к Марру в его последние годы, «когда 28 февраля 1934 г. скончался акад. С. Ф. Ольденбург, у Н. Я. совсем испортилось настроение. Он написал речь, предназначенную для произнесения на могиле С. Ф. Ольденбурга от Академии материальной культуры... Врачи не разрешили ему ехать на похороны»⁵. Страничка «Памяти С. Ф. Ольденбурга», вышедшая из-под пера тяжело больного Н. Я. Марра – последнее, что он написал в жизни.

Смерть Ольденбурга и Марра совпала с важнейшими историческими вехами: Ольденбург умер за два месяца до перевода Академии наук из Ленинграда в Москву, Марр – через двадцать дней после убийства Кирова, открывшего период «большого террора». В истории Академии и всей страны кончалась одна драматическая эпоха и начиналась другая.

Существует выразительный документ, иллюстрирующий отношение советских верхов к Ольденбургу и Марру. 9 июня 1935 г. и.о. председателя Государственной Академии истории материальной культуры Ф. В. Кипарисов

¹ В. А. Зеленко – работник Политпросвета, в начале 1930-х гг. зав. секретариатом АН СССР.

² Цит. по кн.: Миханкова В. А., указ. соч., с. 453.

³ Федоров А. В., Новые материалы о Н. Я. Марре, Иностранные языки в школе, 1949, № 2, с. 23.

⁴ Цит. по кн.: Каганович Б. С., указ. соч., с. 219.

⁵ Мегрелидзе И. В., О любимом учителе, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с. 191.

направил Сталину письмо с просьбой установить персональную пенсию вдове Н. Я. Марра со следующей аргументацией: «Возбудив с большим опозданием вопрос о пенсии через 4½ месяца после смерти Н. Я., Академия Наук не проследила за его прохождением по соответствующим инстанциям, благодаря чему, по имеющимся у меня сведениям, вдове Н. Я. сейчас назначена в общем порядке пенсия в 300 руб. в месяц, т.е. почти в два раза меньше, чем [та, которая] не так давно была назначена вдове акад. Ольденбурга. Между тем Марр и Ольденбург – величины во всех случаях и во многих отношениях совершенно несоизмеримые. Ольденбург – типичный и довольно ничтожный буржуазный ученый, больше дипломат, чем ученый, не оставивший после себя ни одной крупной и сколько-нибудь значимой работы. Марр – гигант масштаба Дарвина и Менделеева <...>. Ольденбург – условно советский ученый, бывший кадет и министр правительства Керенского; его сын в течение всего советского периода – злейший белогвардеец в Париже. Марр – подлинно советский ученый, в конце своей жизни вступивший в партию, награжденный орденом Ленина <...> Такова разница»¹.

На этом письме Сталин наложил резолюцию: «Т. Молотову. Придется согласиться. И. Сталин»².

В заключение скажем, что как ученый С. Ф. Ольденбург был представителем, так сказать, «нормальной науки», Марр же принадлежал к породе «гениальных безумцев», все в нем было чрезмерным. Гениальные догадки сочетались в его работах с бредовыми фантазиями³. В кругу академических ученых Марр всегда был «как беззаконная комета в кругу расчисленных светил»⁴. Можно также сказать, что Ольденбург по своему мировоззрению, складу и характеру был «европейцем», а Марр в значительной степени – «человеком Востока», чем и объясняется многое в их биографии и деятельности.

Трудно отрицать, что в последний период жизни Марр был психически не вполне «адекватным» человеком (так считали и люди, высоко его ценившие и любившие⁵). Думается, однако, что сводить марровскую лингвистику к душевному заболеванию ее создателя – слишком легкое решение проблемы.

¹ Академия Наук в решениях Политбюро ЦК ВКП (б). 1922-1952, М., 2000, с. 174.

² Там же, с. 175.

³ Крупный современный лингвист называет Марра «выдающимся ученым», «обладавшим тончайшей научной интуицией, доходившей порой до гениальности». См.: **Гамкрелидзе Т. В.**, Об одной лингвистической парадигме, Вопросы языкознания, 2005, № 2, с. 5.

⁴ В двух речах, произнесенных вскоре после его смерти, замечательную характеристику личности Н. Я. Марра дал китаист академик В. М. Алексеев: **Алексеев В. М.**, Наука о Востоке, М., 1982, с. 30-43. Очень интересен также возникший тогда же и опубликованный Н. В. Брагинской текст: **Фрейденоберг О. М.**, Воспоминания о Н. Я. Марре. С предисл. И. М. Дьяконова, Восток – Запад, М., 1988, с. 178-204.

⁵ Помимо цитированной выше записи из дневника Е. Г. Ольденбург приведем слова из письма академика И. Ю. Крачковского к его знакомой В. А. Сутугиной-Кюнер, которая, вероятно, спрашивала его о только что закончившейся «лингвистической дискуссии». 4 июля 1950 г. (через две недели после выступления Сталина против Марра) Крачковский писал ей: «Марр, несомненно, был человек исключительной одаренности, на грани с гениальностью, но ведь он кончил психической болезнью, и многое, начиная с 20-х гг., объяснялось первыми приступами ее, которые все же некоторые психиатры чувствовали и мне еще до 30-го года говорил об этом невропатолог Аствацатуров. Одной из таких навязчивых идей была и теория четырех элементов,

Ныне, по прошествии стольких лет, мы воспринимаем С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра, несмотря на все их различия, как представителей великой, героической эпохи русской гуманитарной науки. Оба они так и не избавились от того – беспросветного или небеспросветного – идеализма, без которого вообще невозможна наука.

Բորիս Կագանովիչ – Ս. Ֆ. Օլդենբուրգը և Ն. Յ. Մարր. հայացք XXI դարից

Ականավոր գիտնականներ, ակադեմիկոսներ Ս. Ֆ. Օլդենբուրգի (1863-1934) և Ն. Յ. Մարրի (1864-1934) փոխհարաբերություններին նվիրված Բորիս Կագանովիչի հոդվածում, բազմաթիվ արխիվային նյութերի օգտագործման հիման վրա, դիտարկվում են նրանց կյանքի և գործունեության հիմնական փուլերը: Մեկնաբանվում են այն դրամատիկ հանգամանքերը, որոնց ներքո ծավալվել է նրանց գիտական և հասարակական գործունեությունը նախահեղափոխական և Խորհրդային Ռուսաստանում: Հեղինակն ուրվագծում է ռուսական գիտության պատմության քառուղիներում խոր հետք թողած տաղանդավոր գիտնականների միմյանցից զանազանվող դիմանկարները:

Boris Kaganovich – S. F. Oldenburg and N. Y. Marr: a Glance from XXI Century

In his article dedicated to prominent scientists, academicians S. F. Oldenburg (1863-1934) and N. Y. Marr (1864-1934), Boris Kaganovich considers the main stages of their lives and activities. The author highlights the dramatic circumstances in which they developed their academic and social activities in pre-revolutionary and Soviet Russia. An attempt is made to recreate the different human characters of talented scientists who left a bright trace in the history of Russian science. The article is based on numerous archival materials.

как и многое другое. Я его очень любил и всегда жалею, что он так печально кончил. Теперь маятник качнулся в другую сторону, и боюсь, что станут отрицать и его действительно колоссальные заслуги до 20-х гг.». См.: ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 27, л. 89.